

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

***Беги, если
успеешь***

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты рисунков художника *Валерия Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Беги, если успеешь / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Русский бестселлер. Избранное).

ISBN 978-5-04-097779-6

В курортном городке Лазурный Мыс пропал крупный московский бизнесмен Рештин. Разыскивать его прилетели два муровских сыщика Лев Гуров и Стас Крячко. Рештин любил нырять с аквалангом у скалистого берега, там он и пропал. Пришлось сыщикам тоже стать аквалангистами. Они обследовали прибрежную зону и обнаружили систему гротов, в которых был устроен цех по производству фальшивых долларов. И еще сыщики нашли там взрывное устройство, которое должно сработать через считанные минуты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097779-6

© Макеев А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

***Беги,
если успеешь***

Глава 1

От гостиницы к берегу вела широкая лестница из белого мрамора. По обе стороны парапета стояли прямые как колонны деревья с жесткими шершавыми стволами и длинными острыми листьями, развернутыми на все стороны, как опахала. У подножия белые каменные ступени словно растворились в пышной зелени кипарисов, но это было обманом зрения — на самом деле лестница просто делала поворот, и последний марш ее заканчивался у самого пляжа.

Сверху полоска песчаного берега казалась почти белой — почти такой же, как пена прибоя, которую оставляли на песке набегающие с моря волны. Вообще ликующий белый цвет доминировал здесь повсюду. Белый берег, белый прибой, белые ступени, белая ребристая призма отеля «Лазурный» высотой в шестнадцать этажей, упирающаяся верхушкой в густо-синий небесный свод. Кроме того, кажется, все до единого обитатели и гости этого райского местечка в своем гардеробе также предпочитали оттенки все того же чистейшего и непорочного цвета. От этой сверкающей белизны было только одно спасение — непроницаемые солнцезащитные очки, которые не стоило снимать до самого заката.

Из троих мужчин, только что вышедших из гостиницы и остановившихся полюбоваться панорамой, раскинувшейся у их ног, об очках позаботился только один — коротышка, точно колобок круглый, со сверкающей шоколадной лысиной. И загар, и черные очки, и говор — все выдавало в нем аборигена. Одет он был свободно и без претензий — белая рубашка с коротким рукавом, бежевые шорты до коленей и стоптанные сандалеты.

— Нравится? — ревниво поинтересовался он, заглядывая в глаза своим спутникам, которые оба были на голову, а то и на полторы выше его.

Один из них, широкоплечий, с седыми висками, в прекрасно сидящем на его спортивной фигуре светлом костюме, похожий более всего на состоятельного и удачливого бизнесмена, ответил лишь рассеянной улыбкой. Зато другой, крепко сбитый, с грубовато-добродушным лицом, уже докрасна ошпаренным южным солнцем, откликнулся охотно.

— Ну что тут скажешь? — воскликнул он. — Красотища! Вам, Юрий Леопольдович, повезло, что вы родились в таком райском местечке!

— Ну, строго говоря, родился-то я не здесь, — с довольным видом сказал толстяк. — Родился-то я как раз в Москве, где и вы, а на этот теплый берег, если так можно выразиться, выброшен бурным океаном жизни лет эдак «надцать» назад, но ни минуты не пожалел об этом! Ни минуты, можете мне поверить!

— Еще бы! — снова улыбнулся господин с седыми висками. — Только вы ошибаетесь, мы с товарищем родились отнюдь не в Москве. Мы как раз родом из провинции.

— А в Москву нас забросил тот же самый океан, — добавил, засмеявшись, товарищ. — Но к вам судьба, конечно, была благосклонна, Юрий Леопольдович!

— Не жалею, — с еще более довольным видом сказал толстяк. — Но вы еще не видели моей хижины! Это нечто — не побоюсь этого слова!

— Прикажете расценивать эти слова как приглашение в гости?

— Обязательно! — с жаром подхватил Юрий Леопольдович. — Всенепременно! И не далее как сегодня же вечером. Мы будем сидеть на веранде в удобных креслах, пить молодое вино, слушать шум моря и пение цикад. А над головой у нас будут сиять крупные белые звезды.

— Вы — романтик, Юрий Леопольдович! — сказал пожилой джентльмен. — Так заманчиво расписываете... Но должен заметить, что мы сюда все-таки не пение цикад слушать приехали. Мы делом заниматься приехали.

— А я разве не понимаю, господин полковник! — про-
никновенно сказал коротышка. — Но кроме дел, должен су-
ществовать также и разумный отдых, разве не так? Об этом
даже в трудовом законодательстве очень хорошо прописано.

Про законодательство господин с седыми висками слы-
шал, потому что был он отнюдь не бизнесменом, а старшим
оперуполномоченным по особо важным делам и, как пра-
вильно заметил Юрий Леопольдович, полковником. Фами-
лия его была Гуров. В том же чине находился и его старый
друг и напарник Станислав Крячко, веселый и краснолицый,
производивший на посторонних впечатление человека со-
вершенно несерьезного.

— Насчет законодательства мы и сами с усами, — заме-
тил, усмехаясь, Крячко. — А вот насчет хижины сразу же во-
прос — ведь Рештин, когда сюда приезжал, у вас останавли-
вался?

— Павел Геннадьевич? — сразу делаясь озабоченным, пе-
респросил коротышка. — В самом деле, так оно и было, как
вы сказали. Он предпочитал гостить у меня. Практически
чувствовал себя как дома. Да, так оно и есть на самом деле.
Это его второй дом. Не побоюсь этого слова.

— Отлично! А вот его жена утверждает, что Рештин оста-
навливался в лучшем номере гостиницы. И как будто бы он
звонил ей в последний раз именно из гостиничного номера...

Коротышка задрал голову, прищурил один глаз и, изобрази-
в на лице мучительную гримасу, сказал:

— Нет, ну в самом деле, господа полковники! Мы с вами
взрослые люди, не так ли? Павел Геннадьевич снимал номер,
это правда. Потому что так принято. Он состоятельный че-
ловек, может себе и не такое позволить. Но по-настоящему
свободно он мог чувствовать себя только в доме преданного
друга, вы меня понимаете? А номер... Номер — это на всякий
случай. Алевтина Викторовна имеет склонность делать сюр-
призы. Может быть, она не хочет, чтобы супружеская жизнь
сделалась пресной, и приготавливает всякие неожиданности?
Раза два она приезжала сюда без предупреждения. Как вам
это понравится? А мужчина не любит неожиданностей. По-
этому всегда имеет в запасе еще один вариант.

— Если я правильно понял ваш намек, супружеская жизнь Рештиных оставляет желать лучшего? — с интересом спросил Гуров. — Рештин изменял жене?

— Ну-у, этого я не утверждаю, — уклончиво пробормотал Юрий Леопольдович. — Это слишком серьезный вопрос, чтобы решать его вот так, на ходу. Но мужчина есть мужчина, вы меня понимаете...

— Ладно, оставим пока эту тему, — сказал Гуров. — Попробуем сначала разобраться в том, что здесь произошло. Прежде всего выясним хронометраж событий.

— Да какие же события? — растерянно произнес Юрий Леопольдович. — Никаких событий и не было. Павел Геннадьевич приехал слегка отдохнуть. При его напряженном графике без отдыха никак нельзя. Ну, поплавал, позагорал, вина попил... Очень умеренно, можете мне поверить. В отношении спиртных напитков он очень аккуратен. Только легкие виноградные вина.

— Бог с ними, с винами, — с сожалением вздохнул Крячко. — Давайте-ка разложим все по полочкам. Когда, где и с кем...

— А, ну пожалуйста! — послушно сказал Юрий Леопольдович. — В таком случае придется, наверное, начать с шестого июня? Именно в этот день Павел Геннадьевич позвонил мне из Москвы и предупредил, что приезжает. А через два дня, восьмого, он уже был тут. И сразу же включился в процесс.

— В процесс? — Гуров удивленно посмотрел на коротышку.

— Именно так я называю нашу деятельность, — важно подтвердил Юрий Леопольдович. — Наше туристическое бюро «Барракуда» предоставляет желающим неограниченные возможности экстремального туризма как на воде, так и на суше... Мы не прекращаем деятельности даже в зимний период. В отличие от поклонников традиционного туризма, мы не боимся плохой погоды. Наоборот, она нас заводит...

Гуров с сомнением покосился на далеко не спортивную фигуру Юрия Леопольдовича, на его круглый как шар животик и подумал, что на самом деле этого оптимиста по-настоящему может завести только распитие большого количе-

ства пива в хорошей компании, но вслух говорить этого не стал и только спросил:

— Не совсем хорошо представляю себе, чем конкретно занимается ваше бюро? Какого рода туры оно предлагает? И какой род экстремального туризма предпочитает сам господин Рештин? Кстати, было бы интересно узнать, как вы с ним познакомились?

— Начну с конца, — сказал Юрий Леопольдович. — С Павлом Геннадьевичем мы были знакомы еще в Москве. Да-да, в те далекие счастливые годы, когда ваш покорный слуга был худ и имел вот на этом месте пышную шевелюру. Мы учились на физмате и увлекались спортом. Сейчас в это трудно поверить, но когда-то я неплохо боксировал и катался с гор на лыжах. Куда все потом подевалось? Я имею в виду не только мою форму, но и содержание тоже. Ведь физика мне в жизни совершенно не пригодилась. Я, знаете ли, как-то уютнее всегда чувствовал себя в хозяйственной деятельности. Что-то организовать, раздобыть, выбить средства... С Павлом Геннадьевичем мы встретились совершенно случайно на харьковском вокзале. Я уже тогда жил здесь. Правда, туристический бум тогда только начинался, и это местечко еще не носило горделивого имени Лазурный Мыс — кстати, по-моему, совершенно идиотского, тут и мыса-то никакого нет, — но я все равно пригласил Павла погостить. Расписал ему, какие тут дикие места, и он клюнул, представьте себе! Хотя уже был важной персоной. За глаза я называю его нашим Биллом Гейтсом. Ну а что? Компьютерный бизнес у себя дома он держит в руках ничуть не хуже.

— Мы в курсе, — перебил его Гуров. — О деятельности Рештина мы наслышаны. Торговля, развитие электронных технологий, подготовка программистов высокого класса, программное обеспечение и много всего другого... Должен все-таки заметить, что до Билла Гейтса Рештин не дотягивает. Он звезда далеко не первой величины даже у нас в России. Но дело не в этом — нас интересует, что произошло с Рештиным здесь после восьмого июня.

— А что? Ничего особенного не произошло, — с недоумением сказал Юрий Леопольдович. — В первый день мы

хорошо погоняли на нашем новом катере. Машина — зверь! Кстати, сгоняли до Трех Скал...

— Это что имеется в виду?

— К югу, милях в восьми отсюда, в море есть скалистые образования. У нас это место называют Три Скалы. Очень живописно и волнующе! Представьте себе почти отвесные каменные стены, зубчатые уступы, и ни единого клочка растительности, лишь крики птиц и бескрайнее море вокруг. Просто начинаешь ощущать себя эдаким флибустьером на острове отчаяния.

— Я вот вас слушаю, Юрий Леопольдович, — вставил Крячко, — и думаю, какой вы, к черту, хозяйственник? Вам книги писать нужно! Что-нибудь вроде — не жалею, не зову, не плачу...

— Вашу цитату уже таки написал один человек, — жизнерадостно заметил Юрий Леопольдович. — А я, кроме деловой бумаги, написать ничего не умею. Поверите ли, даже простого письма написать не могу! Десять потов сойдет, а получается все равно одна глупость. А скалы, они такие на самом деле и есть. Если есть желание, можно убедиться лично.

— Возможно, у нас появится такое желание, — согласился Гуров. — Но чуть попозже. А пока скажите, что было дальше.

— Дальше Павел Геннадьевич ходил до Трех Скал уже один. Два дня подряд. Ну как один? Был с ним наш инструктор Зацепин Дима и еще один человек, который катером управлял, — Олег Кияненко. Он тоже у нас в штате. Практически же Павел действовал в одиночку, хотя правилами это категорически запрещено. И место опасное, и манера у Павла такая сволочная — лезть всегда на рожон. Это я как старый друг говорю.

— Что же такого опасного происходило там в районе Трех Скал? — поинтересовался Гуров.

— Да, собственно, может быть, и ничего, — пожал плечами Юрий Леопольдович. — Нырлял он там с аквалангом, пытался отыскать обломки самолета... По слухам, в том месте во время войны немецкий транспортный самолет разбился. А до войны, говорят, там же затонул баркас контрабандистов.

■ Одно время ходила легенда, что на этом судне даже золотые

монеты были. Вранье, конечно... Ну и еще была у Павла идея, что найдет он подводные пещеры.

— А зачем ему были нужны подводные пещеры?

— Затем, что такой характер, — торжественно ответил Юрий Леопольдович. — Живой человек! Экспериментатор, экстремал! Такому все время что-то нужно. А зачем — это уже не так важно.

— Неизвестно, что для нас сейчас важно, — недовольно проворчал Гуров. — Но допустим... Итак, восьмого июня Рештин прибыл в Лазурный Мыс — и правда, корявое имечко, — немного покатался на катере...

— Катались мы, по правде говоря, порядочно — до темноты, — уточнил Юрий Леопольдович. — Но вы правы в том смысле, что это был как бы подготовительный тур. Девятого и десятого Павел взялся за дело вплотную. Пропадали они в море до ночи. Наши ворчали, конечно, но не сильно. Все-таки Павел не просто клиент. По сути дела, он основной хозяин нашей «шараги». Да-да, Павел Геннадьевич вложил в дело большую часть капитала, вы не знали?

— Не знал, — подтвердил Гуров. — Его жена как-то обошла этот вопрос. Выходит, Рештин и в самом деле мог чувствовать себя здесь как дома?

— Ну разумеется! — воскликнул Юрий Леопольдович. — Он так себя и чувствовал. После московской суеты, выбираясь из жерновов большого бизнеса, он словно бы домой возвращался — в детство, полное приключений и волнующих загадок! А вы спрашиваете, зачем он искал под водой пещеры!

— Уже не спрашиваем, — улыбнулся Гуров. — Теперь спрашиваем — нашел ли он что-нибудь?

— Не нашел. Но сдаваться не собирался. Одиннадцатого июня с утра пораньше он опять собирался отправиться к Трем Скалам. Но на этот раз сорвалось.

— По какой причине?

— Повредил руку, — объяснил Юрий Леопольдович. — Накануне, погружаясь в воду, задел об острый камень. Боль в воде притупляется — заметил не сразу, а потом рана уже начала гноиться. Павел не любит грузить окружающих своими проблемами. Сам перевязал рану, сам принял решение.

— Какое решение?

— Уехать. Но вначале перебрался от меня в гостиницу. Наверное, как раз оттуда он и звонил жене. А уехать он намеревался двенадцатого утром. Я хотел провожать, но он категорически настоял, чтобы и духу моего не было.

— Вот как? — Гуров внимательно посмотрел на толстяка. — С чего бы это? Вы поссорились?

— Ну что вы! Мы с Павлом никогда не ссорились. Не было человека, который понимал бы его лучше, чем я. Просто у него очень импульсивный характер. Не лучшее качество для бизнесмена, между прочим. Но мы таковы, какими нас создала мать-природа.

— И все же почему он вдруг решил перебраться от вас в гостиницу? — не отставал Гуров. — Тем более что на следующий день он все равно собирался уезжать. Довольно странно.

— Он был сильно расстроен. Во-первых, эта неудача с рукой. Во-вторых, в ночь на одиннадцатое он, чтобы отвлечься, отправился в местный ночной клуб и вернулся оттуда мрачнее тучи. Вот там он, по-моему, с кем-то поссорился.

— Почему вы так думаете?

— Ну а что прикажете думать, если человек уходит из дома в приятном расположении духа, а возвращается злой как черт, и это при том, что уходил он, собственно говоря, развлекаться?

— Но ведь вы говорите, что Рештин уже был расстроен, когда вернулся с моря?

— М-да, это не совсем так... — смущенно проговорил Юрий Леопольдович. — Пожалуй, я несколько забежал вперед. После своего возвращения Павел выглядел совершенно нормальным. О его неприятностях я узнал уже наутро. И о руке тоже.

— Но вы видели, как он собирался в клуб?

— Конечно, видел!

— И умудрились не заметить, что у вашего друга повреждена рука?

Юрий Леопольдович выглядел озадаченным. Похоже, эта простая мысль до сих пор не приходила ему в голову.

— Действительно, — пробормотал он. — Как же так? Я действительно ничего не заметил. Абсолютно ничего!

Впрочем, я же говорю, Павел не обременял других своими заботами...

— Ну хорошо, — сказал Гуров. — Вернувшись в плохом настроении из клуба, Рештин объявляет вам о своем отъезде и двенадцатого утром уезжает из Лазурного Мыса. Так? Вы видели, как он уехал? Вы его провожали?

— Вы опять скажете, что Павел на меня обиделся, — со вздохом отозвался Юрий Леопольдович, — но клянусь вам, ничего подобного не было! Просто Павел сам распорядился, чтобы я его не провожал. Он обещал позвонить через неделю.

— Не звонил, конечно?

— Нет, не звонил. Я бы вам сразу сказал. Но, может быть, еще позвонит. Ведь у нас как? Если сказано, что через неделю, то это может быть и десять дней, и месяц. Даже для деловых людей это характерно. Менталитет!

— А помимо отдыха на воде вас с Рештиным что-нибудь связывало в последние годы? — спросил Гуров. — Вы созванивались, писали друг другу?

— Ну что вы, какие сейчас письма! — махнул рукой Юрий Леопольдович. — И вы правильно заметили — помимо моря нас с Павлом Геннадьевичем мало что связывало. Ну, разумеется, совместный бизнес — я «Барракуду» имею в виду, — но он предпочитал не вмешиваться в детали, полностью мне доверял. И, надо сказать, я старался не обманывать его ожиданий. Так что никаких проблем между нами не было. А когда ему требовался отдых, он всегда звонил и предупреждал, что приедет. Высказывал пожелания, интересовался, не требуется ли какая помощь... В общем, все было по-человечески.

Гуров видел, что Юрий Леопольдович начинает не на шутку волноваться. До сих пор он был склонен рассматривать визит оперативных работников из Москвы как случайный эпизод, формальность, как недоразумение, которое вот-вот должно разрешиться. Но вдруг он обнаружил, что в этом недоразумении он является действенным участником, становится объектом пристального внимания. В его ответах обнаружились весьма уязвимые места, вопиющие несообразности, и этот факт напугал Юрия Леопольдовича.